

УДК 81'367

Л.П. Водясова

Сложное синтаксическое целое как основная структурная единица микротекста в современном эрзянском языке¹

Аннотация. В статье анализируется основная структурная единица микротекста – сложное синтаксическое целое (ССЦ), представляющее собой тесное семантико-синтаксическое и модальное единство. Автором определяется его структура, выявляются основные признаки в современном эрзянском языке, отмечается, что ССЦ характеризуется завершенностью, монотемностью высказывания; объединением компонентов по схеме: зачин – комментирующая часть; наличием формальных элементов связи между компонентами – автосемантическими и синсемантическими предложениями; отнесенностью всех компонентов к одному модальному плану.

Ключевые слова: текст, микротекст, сложное синтаксическое целое, семантика, структура, модальность.

L.P. Vodyasova

Complex syntactic unit as a basic structural unit of microtext in modern èrzâ language

Summary. This article reviews the main structural unit of mikrotekst is a Complex Syntactic Unit (CSU) that represents a Strong Semantic-Syntactic and Modal Unity. An author is defined by its Structure, identifies the main indicators on the material of the modern Erzâ Languages. CSU has Completeness, Monotheme; Combining Components: Home page-Commenting part; the Existence of Formal Linkages between components – independent and dependent Proposals; allocation all components to the same modal Scheme.

Keywords: text, microtext, complex syntactic unit, semantics, structure, modality.

В лингвистике текста термин *текст* употребляется для обозначения двух единиц. По словам О.И. Москальской, «под текстом понимается, с одной стороны, любое высказывание, состоящее из одного или более предложений, несущее в себе по замыслу говорящего законченный смысл, а с другой стороны, такое речевое произведение, как повесть, роман, газетная или журнальная статья, научная монография, документы различного рода и т.п.» [1, 12]. С ее точки зрения, текст имеет два организационных уровня, два особых объекта лингвистики текста [1, 13], между которыми часто не делают различия и называют их одним словом «текст»: 1) сложное синтаксическое целое (ССЦ) – текст в узком смысле слова (микротекст); 2) целое речевое произведение – текст, т.е. текст в широком смысле (макротекст) [1, 67]. Выделение микро- и макротекстов подтверждает положение о том, что текст является синтаксической структурой, что позволяет считать его единицей языка и речевым произведением. О.И. Москальская указывает, что важным в связи с этим является то, что микротексты легко моделируются, объяснить модель микроструктуры можно правилами грамматики. В основе создания (и анализа) макротекстов лежат закономерности, обусловленные коммуникативными принципами, которые зависят от конкретной деятельностной ситуации [2, 162].

ское целое (ССЦ) – текст в узком смысле слова (микротекст); 2) целое речевое произведение – текст, т.е. текст в широком смысле (макротекст) [1, 67]. Выделение микро- и макротекстов подтверждает положение о том, что текст является синтаксической структурой, что позволяет считать его единицей языка и речевым произведением. О.И. Москальская указывает, что важным в связи с этим является то, что микротексты легко моделируются, объяснить модель микроструктуры можно правилами грамматики. В основе создания (и анализа) макротекстов лежат закономерности, обусловленные коммуникативными принципами, которые зависят от конкретной деятельностной ситуации [2, 162].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006а/В.

ССЦ как основная структурная единица микротекста характеризуется семантической слитностью и грамматической консолидацией отдельных предложений, входящих в его состав.

Отдельные предложения, входящие в состав ССЦ, являются его компонентами. Компоненты ССЦ играют в нем неодинаковую роль. Наибольшей самостоятельностью в структурном и смысловом отношении обладает первое предложение – зачин (по терминологии, предложенной Г.Я. Солгаником [3; 4]). Зачины играют исключительно важную роль в связной речи. Они «служат средством введения новой мысли или поворота в ее развитии и в то же время одним из средств организации» сложного синтаксического целого [3, 101]. Другие предложения менее самостоятельны и ориентируются на предыдущий компонент. Такие недостаточно самостоятельные предложения составляют комментирующую часть ССЦ. В этой части может быть четко выражена концовка, т.е. завершающее предложение, если в нем употреблены специальные средства для оформления конца ССЦ. Так, средствами завершения ССЦ могут служить восклицательные или вопросительные предложения, вводные слова, присоединительные конструкции, прямая речь и т.д. Общим для них является изменение синтаксического облика концовки по сравнению с предшествующим высказыванием (изменение порядка слов, структуры предложения, характера синтаксической связи концовки с предшествующим предложением, изменение модально-временного плана повествования и т.д.). Однако наблюдения над текстами эрзянских авторов показали, что ССЦ обычно не имеет формально выраженной концовки и характеризуется типическим построением: зачин – комментирующая часть: *Нефёдовтне маштсть аволь ансяк сокамо-видеме. Эрванть кедьёнксок ульнесь узереськак. Сынъ чапильть кудот, теильть мазый горобият. А уш кода наряжилть ушо ёндо вальматнень, кудоконякстнень – сельметь а саевить. Вана Ивангак кармась керсеме-тейнеме чувтонь нармушкат-мезть, цилимть – тетязо мейле микшнесь сынст базарсо. Степан секе тев аштекинесь лелянзо вакссо ды вансь, кода*

Иваж вишка мукорнестэ керн ёвксонь нармунь – сёлмонек-пулонек, пити нерь марто. Цёрынесь вечксь строгавакссо налксеме, пурнылькепиль эйсэст. Чинесь эйтэст – а ёвтавикс! [5, 43]. «Нефёдовы умели не только пахать-сеять. Каждый из них владел и топором. Они рубили дома, делали красивые сундуки. А уж как украшали со стороны улицы окна, коньки домов – глаз не оторвать. Вот и Иван начал вырезать деревянных птичек, трубки – отец потом продавал их на базаре. Степан постоянно крутился около старшего брата и смотрел, как Иваж (Иван) из маленького пенечка вырезает сказочную птицу – с крыльями, хвостом, с острым клювом. Мальчик любил играть со стружками, собирал-подбрасывал их. Запах от них – несказанный!». В этом ССЦ в роли синтаксического зачина выступает первое предложение – *Нефёдовтне маштсть аволь ансяк сокамо-видеме* «Нефёдовы умели не только пахать-сеять», – в котором намечается тема для раскрытия ее в комментирующей части (второе-шестое предложения). Последнее предложение в ней – *Чинесь эйтэст – а ёвтавикс!* «Запах от них – несказанный!» – представляет эмоционально-оценочную концовку.

Рассмотрим еще один пример: *Прядозель сюронь нуемась – велесэнтъ анокстастъ Успениянтень, конань эрзятне Пречистияк лемдизь. Те кизэнь сех Поки чи. Эйсэнзэ, кода свал, озномасо ушолильть. Ды те чарькодеви: сон се ковстонть сакшны, зярдэ эрва семиянтень кавто умат нуема, колмоцентъ лов алов эряви видемс. Ды ялатеке те Чистэнтъ паксяв кияк а лисни – сы иестэ сюротомо кадоват. Кие кенерькишни яровоензэ нуеме, сенень Чись кавтонь кирда празник: тешкстасынек «пултонь чачоманть». Текень кисэ лездез паксяс кадныть розень апак тока кикс. Веленек лиснить сонзэ лангс, ледьсызь пелюмасо, сямлмить-тапардыть эчке пулт. Лангозонзо руця ориавтыть – авань-павань кондямо лисни. Ды теске, паксясонть, кармить киштеморсеме, истямо валонь кортнеме: «Ума, ума, виеть максыть кескавтнэнень, тингетненень явить ды суро партненень». Мейле пултонть колозонь колоз явшесызь, эрвась долянзо кудов сайсы. Тосо пазава алов путсы, сех неявикс таркас. Покровонть самс карми кирдемен-*

ээ. *А уш Покровсто эрва кудазорось колост мендерди, ракишатнень икелев неверди: телень перть касост, кардтнэнь од вазсо ды левксэ пештят* [6, 58]. «Закончилась жатва зерновых – в селе готовились к Успению, которое эрзяне называли Пречистиём. Это самый большой праздник лета. Его, как обычно, начинают молитвами. И это понятно: оно приходит в тот месяц, когда каждой семье надо сжать две пашни, третью под снег засеять. И все равно в этот День в поле никто не выходит – на будущий год без урожая останешься. Кто успевает сжать яровые, тому этот День – двойной праздник: отметим «рождение снопа». Для этого в скошенном поле оставляют нетронутую полосу ржи. Всем селом выходят на нее, скашивают косой, завязывают толстый сноп. На него рубаху надевают – словно женщина-пава получается. И здесь же, в поле, начинают петь и плясать, такие слова говорить: «Пашня, пашня, отдай силу мешкам, выдели овинам и кадкам с зерном». Потом сноп раздадут по колосу, каждый свою долю забирает домой. Там под икону положит, на самое видное место. До Покрова будет держать. А уж в Покров каждый хозяин колосья очищает, сыплет зерна перед скотиной: чтобы росли всю зиму, наполняли двор телятами и ягнятами». Зачином в этом ССЦ является вторая предикативная часть многокомпонентного сложного предложения – *Велесэнтъ анокстасть Успенянтень* «В селе готовились к Успению». Он намечает тему, которая раскрывается в комментирующей части (в последующих компонентах ССЦ). Это ССЦ характеризуется двучастной структурой: средств выражения концовки оно не имеет.

Зачины обычно не содержат в своем составе формальных показателей связи их с предыдущим предложением. В смысловом отношении они самостоятельны, или автосемантчны. Ученые отмечают, что предложения подобного типа находятся в «состоянии синтаксического покоя». Для них характерны следующие признаки: а) отсутствие слов, семантика которых уточняется в контексте; б) грамматическая полнота; в) стилистическая и композиционная нагрузка.

Вводя новую мысль, начиная ее, зачин во многом определяет ее развитие, как бы дает

тон последующему изложению. Обладая законченностью не только грамматической, но и смысловой, он нередко заключает в себе краткое изложение всего ССЦ.

Синтаксическое строение зачинов разнообразно. Тем не менее, существуют определенные устойчивые, повторяющиеся способы выражения начала темы, перехода от одной мысли к другой и т.д. Конечно, эти зачины далеки от как бы застывших фольклорных форм типа «Эрять-аштеть...» («Жили-были...»), однако наблюдения над художественными произведениями эрзянских писателей показывают, что многие из них однотипны по своей синтаксической форме и, имея разное лексическое наполнение, встречаются у различных авторов: 1. *Тундо*. Леесь чады. Шабранок пирест алце пезэ теевсь виде-паро эрькекс. Ялгам, Цёлай Коля, таргась банястост чувтонь очко ды кеняркшнозь укшны ведьганть [7, 11]. «Весна. Река кипит. Нижний конец огорода наших соседей по-настоящему сделался озером. Друг [мой], Коля Цёлаев, вытащил из бани деревянное крыто и радостно плавает по воде»; 2. *Нуема шкась – кизэнь сехте пси шка*. Паксянтъ вельксэ сув ладсо нурьги тюжа чемень. А кенери комбайнась сявордеме розенть, сон уш коськи... [8, 122]. «Время жатвы – самое жаркое время лета. Над полем, словно туман, висит желтая ржавчина. Не успеет комбайн свалить рожь, она уже высохла...»; 3. *Никон вансь пальця штатолонть лангс ды арсесь, мезде седе тов сёрмадомс*. Кие соды, паряк, неть тештавктнэ сы шкань од ломантненень понгить, ды мерить сондензэ: вана кодамо эрзя чачокшнось – васов неицаль ды минденек арсекшнесь!.. [9, 48]. «Никон смотрел на горящую свечу и думал, о чем же дальше писать. Кто знает, может, эти заметки попадут в будущем молодым людям, и скажут о нем: вот какой эрзянин родился – далеко видел и о нас думал!...»; 4. *Те иесь Нефёдкинтнэнь туртов ульнесь нек стака*. Сюрось чачсь беряньстэ – а олго, а зёрна. Тикшеськак аламошь. Митрей ледсь ве пильге лангсо, омбоцесь ульнесь ансяк нежедема таркакс... [10, 109]. «Этот год для Нефёдкиных был очень тяжелым. Урожай оказался плохим – ни соломы, ни зерна. И травы было мало. Митрей (Дмитрий) косил, стоя на одной

ноге, другая была только подпоркой...»; 5. *То-райненъ якаmodo мейле Нефёдовтне та-кода оймасть*. Митрейть-Марят кармасть кемеме: Степан алкукскак карми улеме лия эйкакштнень кондямокс [5, 42]. «После посещения Торая Нефёдовы как бы успокоились. Митрей (Дмитрий) с Марей (Марией) стали верить: Степан на самом деле будет таким же, как и другие дети»; 6. *Кополсо ардыть иетне*. А фатяткак, кода юты ломанень пингесь. Нурькине минек зрямось! [11, 29]. «Галопом летят годы. И не заметишь, как пройдет век человека. Коротка наша жизнь»; 7. *Ледстнян умонь теv*. Мон сестэ састыне эскелинь эрва кодамо тюсонь лопасо вельгязь парконь теине яннэва [12, 54]. «Вспоминаю давний случай (букв.: дело). Я тогда тихонько шла по накрытой разноцветными листьями узенькой дорожке парка».

Говоря о большой роли зачина в организации ССЦ, следует, однако, отметить, что эта единица текста представляет собой единое семантико-синтаксическое образование, и все его компоненты тесно взаимосвязаны. Будучи центром этого единства, зачин во многом определяет его структуру, но в то же время и сам в какой-то степени зависит от нее.

Компоненты комментирующей части ССЦ, как правило, не самостоятельны, или синсемантичны. Эти предложения содержат в своем составе формально выраженные средства связи. Они служат как для развертывания, развития автосемантических предложений, так и для разъяснения, аргументации их содержания, выражения отношения к высказыванию и т.д. Иными словами, рядом с основным сообщением в тексте появляются другие подчиненные ему сообщения, направленные на лучшее донесение информации, активное воздействие на ее получателя, на проявление авторского отношения к сообщаемому. Это реальный факт коммуникативного процесса: носители языка стремятся к эффективному, результативному общению, и, чаще всего, они не могут быть безразличными к тому, о чем ведут речь и т.п.

Определить автосеманτικότητα или синсеманτικότητα² предложения можно путем

изъятия его из контекста. Если изъятное предложение не содержит формальных элементов связи его с предыдущими компонентами, оно автосемантично, в случае наличия подобных элементов – оно синсемантично: *Пургаз эзь карма ёвтнеме книгатнеде. Сыненст ломанесь эряви тонавтомс аламонь-аламонь. Аволь эрвась чарькодъсы се сырненть, конась путозь эйзэст* [13, 273]. «Пургаз не стал рассказывать о книгах. К ним человека надо приучать понемногу. Не каждый поймет то золото, которое заложено в них».

Применяя методику изъятия предложения из контекста, определим автосемантичные и синсемантичные конструкции в этом ССЦ. Смысл первого предложения раскрывается в самом предложении. Для его понимания нет необходимости обращаться к соседним компонентам. Следовательно, зачин представляет собой автосемантичное предложение. Во втором предложении есть синсемантичное слово – личное местоимение третьего лица множественного числа в форме дательного падежа (*сыненст* «к ним»), оно и переводит эту конструкцию в разряд несамостоятельных.

Понять третье предложение можно только при условии обращения к первым двум. Здесь также есть синсемантичные слова: определительное местоимение в отрицательной форме (*аволь эрвась* «не каждый»), прономинализированный послелог (*эйзэст* «в них»). Значит, это предложение также синсемантично. Таким образом, мы убедились, что этот фрагмент текста представляет собой ССЦ, состоящее из одного автосемантичного и двух синсемантичных предложений. *Егор ветизе тетянзо вокзал вальмало лишментень, конань эйсэ сась кисэнзэ. Те ульнесь Ветка. Сон варитась Алексей Алексеевич лангс, лоткась икелензэ аштиця тикшиеденть поремадо, зярьяксть аволдась прясонзо алдо верев, теке бажась ледстямс икелензэ аштиця шержей ломаненть, мейле, нать, содызе, кенярдозь цяхазевсь. Фронтвикенть таго начксть сельмензэ. Сон эзь ци-дярдо, мольсь лишментень ды палызе лембе*

² Наряду с терминами «автосемантичное» предложение и «синсемантичное» предложение, в лингвистике существуют термины соответственно «коммуникативно-сильное» предложение и «коммуникативно-слабое» предложение [14; 15].

нерентень [16, 4]. «Егор привел отца к стоящей перед окнами вокзала лошади, на которой приехал за ним. Эта была Ветка. Она посмотрела на Алексея Алексеевича, перестала жевать лежащую перед ней траву, несколько раз кивнула головой снизу вверх, словно пыталась вспомнить стоящего перед ней седого человека, потом, видно, узнала его, радостно заржала. У фронтовика снова увлажнились глаза. Он не выдержал, подошел к лошади и поцеловал ее в теплую морду». В этом ССЦ первое предложение – зачин – представляет собой автосемантическое предложение, которое определяет тему всего высказывания. Все остальные предложения не самостоятельны, т.к. в них есть формальные показатели связи с предыдущими компонентами. Сигналами синсемантии, в частности, являются: во втором предложении – указательное местоимение *те* «это», в третьем – личное местоимение третьего лица единственного числа *сон* «он», в четвертом – средством связи является перифраз: *Алексей Алексеевич – фронтовикенть* «фронтовика», в пятом – личное местоимение третьего лица единственного числа *сон* «он». Получается, что это ССЦ состоит из одного автосемантического и четырех синсемантических предложений.

Исходя из этого В.П. Лунева, например, и квалифицирует сложное синтаксическое целое (ССЦ) как коммуникативную единицу высшего порядка, состоящую «из ряда автосемантических и синсемантических предложений» [17, 8].

Представляя собой тесное семантико-синтаксическое единство, ССЦ является в то же время и модальным единством. Модальность, будучи одним из основных признаков текста, является важнейшей характеристикой ССЦ, т.к. «всякое высказывание является не просто механическим соединением предложений, но и внутренне единым сложным синтаксическим целым, единым прежде всего по выражению в нем модальности, т.е. определенного отношения автора (говорящего) к тому, что им объективно высказывается» [18, 30]. В ССЦ представлены обе разновидности модальности – объективная и субъективная. Объективная модальность обычно носит реальный характер. Ее маркерами в глагольных предложениях

выступает сказуемое, выраженное глаголом в форме синтаксического индикатива, в безглагольных – структура предложения, глаголы-связки *улемс* «быть», *арамс* «становиться», *кармамс* «стать» и некоторые другие, а также предикативные (сказуемостные) суффиксы настоящего или прошедшего времени. Изредка встречаются ССЦ, в которых модальность ирреальна. Маркерами ирреальности являются глаголы-сказуемые в форме одного из синтаксических косвенных наклонений – императива, опатива, конъюнктива, кондиционала, кондиционал-конъюнктива, деизидератива.

Компоненты ССЦ имеют, как правило, единую субъективно-модальную окраску, и любое ее изменение немедленно сказывается на структуре. В качестве средств выражения модальности для оформления переходов, начала, конца мысли и т.д. используются различные элементы языка: а) личные и усилительно-личные местоимения единственного (*мон* «я», *монсь* «я сам (-а, -о)») и множественного (*минь* «мы», *минсь* «мы сами») числа; б) личные формы глаголов в различных наклонениях (в зависимости от реальной или ирреальной модальности); в) вводно-модальные слова; г) частицы; д) вопросительные и восклицательные предложения и т.д.: *Те ульнесь Изнямонь чистэ. Валдо-сэнь менельсэнть ве пель панкская арась. Весе паксятне, лугатне, мик ульцятнеяк пижелдсть. Дунаевка велинесь гайгсь: марявь гармошкасо седямо, ламо авань ды цёрань вейсэ морамонь вайгельть, од тейтерень нулька морынеть, эйкакишонь весёласто пижнемат ды раксемат. Видьстэ меремс, сыренек-однэк киштсть-морасть. Кода эно? Изнямонь чи!* [19, 44]. «Это было в День Победы. На светло-синем небе не было ни одного кусочка облака. Все поля, луга и даже улицы зеленели. Деревенька Дунаевка звенела: были слышны игра на гармошке, голоса поющих вместе многих женщин и мужчин, частушки (букв.: короткие песенки) молодых девушек, веселые крики и смех детей. Откровенно говоря, стар-и-млад плясали и пели. Как же? День Победы!». Перед нами – ССЦ с ярко выраженной субъективной модальностью. Этому способствует использование разнообразных художественно-изобразительных средств (на-

пример, метафоры: *велинесь гайгсь* «деревенька звенела», *пель панкс* «кусочек облака»; эпитетов: *валдо-сэнь* «светло-синий (-ая, -ее, -ие)», *од* «молодой (-ая, -ое, -ые)», *весёласто* «весело», *нурька* «короткий (-ая, -ое, -ие)», экспрессивно-стилистической лексики, различных по цели высказывания предложений, вводного словосочетания *видьстэ меремс* «откровенно говоря», усилительных частиц *мик* «даже», *-как* «и», приподнято-радостной интонации и т.д. Модальность носит реальный характер. Это находит выражение личными формами индикатива третьего лица прошедшего времени.

В следующем ССЦ модальность ирреальна: *Мон течи стявлинь ды ливтязь ливтявлинь росав чувтотнень велькска валскень сэненць потс. Теке оймазь эрькес, чопавтовлинь эшес, свежа коштонть эйстэ прок чачовлинь одс. Эстет тердевлимизь, манязь манявлимизь сэрей тикшетнестэ ашо цецянь прят. Монь чамас чадовольть, черьсэнь цильдёрдовольть начко куракикестэ мазыйне кумбрят* [20, 49]. «Я встал бы сегодня и полетел бы над деревьями в утреннюю синь. Будто в успокоившееся озеро нырнул бы в прохладу, от свежего воздуха словно заново бы родился. К себе бы позвали, обманом приманили бы с высокой травы головки белых цветов. К моему лицу опустились бы, в волосах заблестели бы с мокрых кустов красивые бутоны». В этом ССЦ ирреальная модальность выражена формами синтаксического конъюнктива, образованного с помощью суффикса *-вель- / -воль- / -вл-*. Текст обладает ярко выраженной метафоричностью, содержит большое количество эпитетов, характеризуется особой приподнятостью. Усилению субъективной модальности способствует и использование личного (*мон* «я») и притяжательного (*монь* «мой, моя, мое») местоимений первого лица.

В языке встречаются ССЦ, в отдельных компонентах которых сказуемые могут быть выражены и глаголами в форме индикатива, и глаголами в форме каких-либо косвенных наклонений, а также безглагольными формами: *Иля тошка тензэ тон, эрьба, што чувтынесь тон хоть одат, ялатеке пек шержеват, сон а бажияк марямо тонь. Илядо кончтнеяк тен-*

зэ, прок валдо сельметь, менельсэ тештть: а варшты сон лангозонк. Илядо кайсеве пильгензэ пес, ожо шержейкат: сон, ютамсто, чалгси тынк. Лоткадо тензэ сюконякиномодо, вармаське марто горнипов цецят, илядо цяпаяк тензэ, теке вишка эйкакишт, мазыстэ пижолдыця лопасо... [21, 43]. «Не шепчи ему ты, верба, что деревце ты хоть молодое, все равно очень седое, он и не стремится услышать тебя. И не подмигивайте ему, словно светлые глаза, звезды на небе: он не поглядит на вас. Не кидайтесь ему под ноги, желтые купальницы: проходя, он топчет вас. Перестаньте ему кланяться, вместе с первоцветами, лютики, и не хлопайте ему, словно малые дети, красиво зеленеющими листьями...». В компонентах этого ССЦ автор использует сказуемые, выраженные различными формами, однако модальность носит ирреальный характер, т.к. микротему создают формы императива: *иля тошка* «не шепчи», *илядо кончтнеяк* «и не подмигивайте», *илядо кайсеве* «не кидайтесь», *лоткадо сюконякиномодо* «перестаньте кланяться», *илядо цяпаяк* «и не хлопайте». Формы выражения ирреальной объективной модальности способствуют усилению субъективной модальности ССЦ.

Таким образом, *сложное синтаксическое целое (ССЦ)* как основная структурная единица текста характеризуется следующими признаками: 1) завершенностью, т.е. логико-смысловой общностью компонентов, что выражается в монотемности, единстве высказывания, содержания; 2) объединением компонентов в ССЦ по определенной структурной схеме: *зачин* – *комментирующая часть*, при этом *зачин* служит смысловым и синтаксическим центром ССЦ и определяет его структуру и развитие мысли. Для выражения, оформления *зачинов* используются специальные синтаксические средства. Существуют разнообразные устойчивые формы *зачинов*; 3) наличием формальных элементов связи между компонентами ССЦ – *автосемантическими* и *синсемантическими* предложениями; 4) отнесенностью всех компонентов ССЦ к одному модальному плану.

Наша точка зрения почти полностью совпадает с мнением И.Г. Сырова, который к основным структурным свойствам сложного синтак-

сического целого относит следующие: обязательный состав из двух и более семантически связанных предложений; членение на более мелкие составляющие единицы (предложения); наличие определенных групп межфразовых средств связи (эксплицитный и имплицитный способы); однотипность композиции (зачин – медиальная часть – концовка) [22, 14]. И.С. Папуша квалифицирует сложное синтаксическое целое «как структурно-семантическую единицу, имеющую регулярно воспроизводимые характеристики, позволяющие не только фиксировать в тексте группы предложений как некую единицу языка, но и прогнозировать ве-

роятность нахождения в тексте объединений предложений, связанных между собой тем или иным системным способом» [23, 64].

Основываясь на результатах указанных выше исследований, мы рассматриваем сложное синтаксическое целое (ССЦ) как структурно-семантическую единицу микро-текста, представляющую собой типизированное объединение автосемантических и синсемантических предложений на основе логико-смысловой цельности и завершенности, отражающую определенную информацию в едином модальном плане [24, 42-44; 25, 63-68; 26, 107-112; 27, 70-73; 28, 13-17].

Литература

1. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
2. Москальская О.И. Текст – два понимания и два подхода // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 154-162.
3. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.: Высш. шк., 1973. 216 с.
4. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.: Едиториал URSS; ЛКИ, 2007. 232 с.
5. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1996. – № 12. – 144 с.
6. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1999. – № 5. – 144 с.
7. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2009. – № 11. – 144 с.
8. Абрамов К.Г. Эсеть канстось а маряви: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 340 с.
9. Доронин А.М. Баягань сулейть: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 480 с.
10. Абрамов К.Г. Эрзянь цера: роман. Кн. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. 330 с.
11. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1996. – № 7. – 144 с.
12. Разгуляева Т. Певердезь човалят: ёвтнемат, новеллат, прозасо баснят. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 80 с.
13. Абрамов К.Г. Пургаз: роман-ёвтамо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с.
14. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1981. 116 с.
15. Harweg R. Zur Textologie der daß-Sätze // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1972. – № 1. – S. 36-48.
16. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1997. – № 3-4. – 144 с.
17. Лунёва В.П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое). Пермь, 1982. 88 с.
18. Пospelов Н.С. Синтаксический строй стихотворений Пушкина. М.: АН СССР, 1960. 249 с.
19. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1979. – № 6. – 80 с.
20. Абрамов К.Г. Комолявка: ёвтнемат. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 98 с.
21. Куторкин А.Д. Лажныця Сура: роман. Кн. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 408 с.
22. Сыров И.Г. Способы реализации категории связности в художественном тексте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. 45 с.
23. Папуша И.С. Поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом // Филологические науки: научные доклады высшей школы. – 2009. – № 6. – С. 63-70.
24. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое с модальным зачином (на материале эрзянского языка) // Актуальные вопросы мордовской филологии. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2007. Вып. 4. С. 42-44.
25. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое с номинативным зачином (на материале эрзя-мордовского языка) // Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и школе: Всероссий. НПК с международным участием, 20-21 ноября 2008 г. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 63-68.

26. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое: его основные признаки в современных мордовских языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 2 (18). – С. 107-112.

27. Водясова Л.П. Частица как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в мордовских языках // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 70-73.

28. Водясова Л.П. Перифрастическая лексика как средство создания связности текста в мордовских языках // Вестник угроведения. – 2011. – № 1 (4). – С. 13-17.

References

1. Moskal'skaja O.I. Grammatika teksta. M.: Vyssh. shk., 1981. 183 s.
2. Moskal'skaja O.I. Tekst – dva ponimaniya i dva podhoda // Russkij jazyk. Funkcionirovanie grammaticheskikh kategorij. Tekst i kontekst. M., 1984. S. 154-162.
3. Solganik G.Ja. Sintaksicheskaja stilistika. M.: Vyssh. shk., 1973. 216 s.
4. Solganik G.Ja. Sintaksicheskaja stilistika. M.: Editorial URSS; LKI, 2007. 232 s.
5. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 1996. – № 12. – 144 s.
6. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 1999. – № 5. – 144 s.
7. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 2009. – № 11. – 144 s.
8. Abramov K.G. Jeset' kanstos' a marjavi: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1967. 340 s.
9. Doronin A.M. Bajagan' sulejtl': roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1996. 480 s.
10. Abramov K.G. Jerzjan' cera: roman. Kn. 1. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1971. 330 s.
11. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 1996. – № 7. – 144 s.
12. Razguljaeva T. Peverdez' chovaljat: jovtnemat, novellat, prozaso basnjat. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2008. 80 s.
13. Abramov K.G. Purgaz: roman-jovtamo. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1988. 480 s.
14. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty. M.: Russkij jazyk, 1981. 116 s.
15. Harweg R. Zur Textologie der daß-Sätze // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1972. – № 1. – S. 36-48.
16. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 1997. – № 3-4. – 144 s.
17. Lunjova V.P. Sintaksis svjaznoj rechi (slozhnoe sintaksicheskoe celoe). Perm', 1982. 88 s.
18. Pospelov N.S. Sintaksicheskij stroj stihotvorenij Pushkina. M.: AN SSSR, 1960. 249 s.
19. Sjatko: lit.-hudozh. i obvestv.-polit. zhurn. – 1979. – № 6. – 80 s.
20. Abramov K.G. Komoljavka: jovtnemat. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1962. 98 s.
21. Kutorkin A.D. Lazhnycja Sura: roman. Kn. 2. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1976. 408 s.
22. Syrov I.G. Sposoby realizacii kategorii svjaznosti v hudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2005. 45 s.
23. Papusha I.S. Pole jazykovogo naprjazhenija v slozhnom sintaksicheskom celom // Filologicheskie nauki: nauchnye doklady vysšej shkoly. – 2009. – № 6. – S. 63-70.
24. Vodjasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe s modal'nym zacinom (na materiale jerzjanskogo jazyka) // Aktual'nye voprosy mordovskoj filologii. Mordov. gos. ped. in-t. Saransk, 2007. Vyp. 4. S. 42-44.
25. Vodjasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe s nominativnym zacinom (na materiale jerzja-mordovskogo jazyka) // Aktual'nye problemy filologii i metodiki ee prepodavanija v vuze i shkole: Vseros. NPK s mezhdunarodnym uchastiem, 20-21 nojabrja 2008 g. Elabuga: Izd-vo EGPU, 2008. S. 63-68.
26. Vodjasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe: ego osnovnye priznaki v sovremennyh mordovskih jazykah // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. – 2011. – № 2 (18). – S. 107-112.
27. Vodjasova L.P. Chastica kak sredstvo svjazni komponentov slozhnogo sintaksicheskogo celogo v mordovskih jazykah // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2011. – № 3 (7). – S. 70-73.
28. Vodjasova L.P. Perifrasticheskaja leksika kak sredstvo sozdaniya svjaznosti teksta v mordovskih jazykah // Vestnik ugrovedenija. – 2011. – № 1 (4). – S. 13-17.